помощи послѣдняго аппарата было очень наглядно показано измѣненіе ритма бьющагося сердца и измѣненіе отдѣльныхъ фазъ работающаго сердца подъ вліяніемъ того или иного раздраженія со стороны нервной системы, или различныхъ сердечныхъ ядовъ. Далѣе при докладахъ о различныхъ токсинахъ были продемонстрированы поразительныя картины растворенія бѣлыхъ шариковъ и дѣйствіе агглютининовъ на бактеріи и спириллы крови животныхъ и человѣка. Эти факты указываютъ на то, какое прочное и почетное мѣсто завоевываетъ себѣ кинематографъ въ научной лабораторіи.

Заканчивая этотъ краткій обзоръ 8-го конгресса физіологовъ въ Вѣнѣ я долженъ еще упомянуть о томъ, что при конгрессѣ была еще устроена выставка физіологическихъ приборовъ различныхъ австрійскихъ и другихъ фирмъ. Особенно выдающихся новыхъ приборовъ на этой выставкѣ не было, но можно отмѣтить, что много старыхъ приборовъ получило теперь очень практичныя усовершенствованія. Особенно практичны и удобны приборы приготовляемыя фирмой Castania въ Вѣнѣ. Изъ новыхъ аппаратовъ обращаютъ вниманіе на себя очень хорошіе дорогіе химическіе вѣсы съ автоматическими разновѣсками. Далѣе фирма Limmermonon представила новые очень чувствительные регистраціонныя барабанчики. Заслуживаетъ также особаго вниманія офтальмоскопъ Торнера очень облегчающій изслѣдованіе глазного дна и микрокалориметръ Цибульскаго. 17-го сентября, въ послѣдній день съѣзда, была организована общая экскурсія для осмотра біологической станціи въ Пратерѣ. Осмотръ этотъ былъ почти передъ вечеромъ очень поверхностный. Не имѣя возможности оставаться дальше въ Вѣнѣ я долженъ былъ этимъ поверхностнымъ обзоромъ и ограничиться. Станція устроена красиво и удобно и приспособлена собственно для работъ по экспериментальной физіологіи.

Помощ. прозект. при каѳедрѣ физіологіи *Э. Майдель.*

Кіевъ 8 го ноября 1910 г.

Максимъ Грекъ и его отношеніе къ эпохѣ итальянскаго Возрожденія.

Литературная дѣятельность и источники идей Максима Грека, одного изъ замѣчательнѣйшихъ у насъ людей XVI в., въ достаточной мѣрѣ не изучены и по настоящую пору: мы до сихъ поръ не имѣемъ такого изслѣдованія, гдѣ бы его личность и сочиненія были разсмотрѣны съ исчерпывающей полнотой. Не считая небольшихъ статей, посвященныхъ Максиму Греку и принадлежащихъ перу митрополита Евгенія [1]), архіеп. Филарета [2]), Горскаго [3]), Нильскаго [4]), Нелидова [5]) и нѣкоторыхъ другихъ, въ нашей литературѣ имѣется единственная солидная монографія, спеціально посвященная изученію его дѣятельности и написанная проф. В. С. Иконниковымъ [6]); но, вышедшая 45 лѣтъ тому назадъ, она, естественно, устарѣла и нуждается, несмотря на присущую ей основательность, въ дополненіяхъ и, быть можетъ, даже нѣкоторыхъ поправкахъ [7]).

Болѣе поздняя работа—Жмакина, посвященная митрополиту Даніилу [8]), касается нашего писателя, главнымъ образомъ, лишь со стороны отношенія его дѣятельности къ дѣятельности самого Даніила.

[1]) Вѣстникъ Европы 1813 г., ноябрь, №№ 21 и 22.
[2]) Москвитянинъ. 1842, № 11.
[3]) Прибавленіе къ твореніямъ св. отцовъ. Москва. 1859. г., № XVIII.
[4]) Христіанское чтеніе, 1862, мартъ.
[5]) Десять чтеній по литературѣ. Москва. 1903, стр. 25—64.
[6]) Максимъ Грекъ. Кіевъ, 1865; 345 стр.
[7]) Впрочемъ, В. С. Иконниковъ лично намъ сообщилъ, что онъ готовитъ 2-е исправленное и дополненное изданіе своей книги.
[8]) Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. Москва. 1881.

Детальный обзоръ литературнаго наслѣдія Максима Грека въ первомъ трудѣ неполонъ, а во второмъ почти совершенно отсутствуетъ. Въ 1898 г. вышла въ свѣтъ книга С. Бѣлокурова, посвященная изученію библіотеки московскихъ государей въ XVI в.[1]) и касающаяся Максима Грека лишь по связи возникшихъ о немъ сказаній съ вопросомъ о составѣ царской библіотеки.

Было бы небезполезно поэтому попытаться выяснить болѣе полно, чѣмъ это сдѣлано до сихъ поръ, отношеніе литературныхъ трудовъ нашего писателя къ современной ему литературной и вообще умственной традиціи какъ у насъ въ Россіи, такъ и внѣ ея. Однимъ изъ возможныхъ въ этомъ случаѣ вопросовъ, въ виду долговременнаго пребыванія Максима въ Италіи въ концѣ XV и началѣ XVI в., является вопросъ объ отношеніи его сочиненій къ современной ему эпохѣ Возрожденія. Но, предварительно, напомнимъ вкратцѣ нѣкоторыя біографическія черты жизни нашего писателя, вообще очень скудныя до появленія его въ Россіи.

Родился Максимъ Грекъ въ главномъ городѣ Албаніи—Артѣ отъ знатныхъ, повидимому, родителей, около 1480 г. Крайній упадокъ культурнаго и образовательнаго значенія Византіи послѣ завоеванія Константинополя и вызванный этимъ массовый переходъ греческихъ ученыхъ въ Италію заставили мѣстную молодежь, искавшую серьезнаго образованія, отправляться туда же. Свою же науку, своихъ ученыхъ приходилось искать за предѣлами родины. Намъ не покажется поэтому удивительнымъ фактъ наплыва въ Италію даже тѣхъ изъ грековъ, которыхъ, быть можетъ, и не прельщалъ вовсе самый духъ итальянскаго Возрожденія. Насущныя потребности высшаго образованія, самого по себѣ, безъ отношенія къ его источнику, заставляли искать его внѣ предѣловъ тогдашней Византіи. Такъ именно, въ числѣ прочихъ, поступилъ и Максимъ Грекъ.

Кромѣ Флоренціи, въ которой Максимъ оставался дольше всего, онъ побывалъ въ Венеціи, Феррарѣ, Падуѣ, Миланѣ. За все это время онъ успѣлъ познакомиться съ виднѣйшими представителями тогдашняго гуманистическаго движенія. Въ числѣ ихъ находимъ поэта, критика и переводчика Анджелло Полиціано, издателя и комментатора

---

[1]) С. Бѣлокуровъ. О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. М. 1898.

классическихъ писателей Альдо Мануччи, къ которому, по собственнымъ словамъ Максима, онъ „часто хаживалъ книжнымъ дѣломъ“, грека Ласкариса, его учителя философіи, и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе извѣстныхъ. Кромѣ того, въ теченіе пяти лѣтъ Максимъ Грекъ слушалъ во Флоренціи Іеронима Савонаролу, о которомъ у него остались самыя трогательныя воспоминанія.

Время, проведенное въ Италіи, Максимъ, согласно своимъ намѣреніямъ, употребилъ на научное образованіе, о чемъ неоднократно самъ говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ читаемъ слѣдующее свидѣтельство нашего писателя относительно матеріала его чтенія: „Многа и различна и самъ прочетъ писанія, христіанска же и сложена внѣшними мудрецы, и довольну душевную пользу оттуду пріобрѣтъ“[1]).

Но Максиму Греку глубоко несимпатично было умственное и нравственное направленіе тогдашняго итальянскаго образованнаго общества, его равнодушіе къ религіи, господство языческихъ авторитетовъ въ дѣлахъ вѣры, а присущій его природѣ аскетизмъ влекъ его въ монастырь. Въ 1507 г., послѣ почти 15-тилѣтняго пребыванія въ Италіи, Максимъ направляется на Аѳонъ и тамъ постригается въ одной изъ значительнѣйшихъ обителей—въ Ватопедскомъ монастырѣ. Богатая библіотека обители дала ему возможность пополнить здѣсь свое богословское образованіе изученіемъ отцовъ церкви. Черезъ 10 слишкомъ лѣтъ Максимъ появляется уже въ Россіи, вызванный великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ для исправленія книгъ его библіотеки. Помимо этой миссіи, Константинопольскимъ патріархомъ поручено было ему заботиться объ угнетенной турками византійской церкви. Первымъ его трудомъ въ Россіи былъ переводъ съ греческаго толковой псалтири, послѣ чего Максимъ Грекъ сталъ проситься обратно на Аѳонъ, но великій князь и митрополитъ Варлаамъ упросили его остаться въ Россіи, надѣясь и въ дальнѣйшемъ воспользоваться его трудами. Впослѣдствіи имъ были переведены толкованія на дѣянія апостоловъ, бесѣды Іоанна Златоуста, исправлена тріодь и др.

Прямолинейная его дѣятельность какъ переводчика, исправителя книгъ, обличителя и проповѣдника—не могла ужиться съ тогдашнимъ укладомъ русской религіозной и государственной мысли. Кри-

---

[1]) Сочиненія Максима Грека. Казань. 1859–62. т. II, стр. 377.

тическое отношеніе къ тексту исправляемыхъ книгъ, невольныя подчасъ ошибки человѣка, не владѣвшаго въ совершенствѣ русскимъ языкомъ,—все это возбуждало протестъ со стороны людей, преданныхъ буквѣ, а суровое обличеніе монастырскихъ неурядицъ въ духѣ заволжскихъ старцевъ, подкрѣпляемое примѣрами латинскаго (!) благочестія, упреки по адресу власти и великого князя возбудили нерасположеніе къ нему митрополита—іосифлянина Даніила и самого князя. Вслѣдъ за первымъ осужденіемъ въ 1525 г. и послѣдовавшимъ затѣмъ въ 1531 г. заточеніемъ въ Волоколамскій монастырь послѣдовалъ, какъ извѣстно, второй судъ, на которомъ Максимъ Грекъ былъ обвиненъ въ ереси и порчѣ священныхъ книгъ, и переведенъ въ Тверской отрочь монастырь, гдѣ пробылъ до 1553 г. Ни просьбы самого заключеннаго ни заступничество за него александрійскаго патріарха не могли облегчить участи осужденнаго. Только въ 1553 г. онъ былъ освобожденъ отъ заключенія и переведенъ въ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ и скончался въ 1556 г. Таковы, въ немногихъ словахъ, важнѣйшія черты біографіи аѳонскаго святогорца.

Переходя къ выясненію вопроса объ отношеніи сочиненій Максима Грека къ эпохѣ Возрожденія, мы постараемся прослѣдить, главнымъ образомъ, отразились ли, и если отразились, то насколько, тѣ существенныя черты эпохи, которыя характеризуются, обыкновенно, развитіемъ индивидуализма, секуляризацией мысли въ области морали и науки, проявленіемъ глубокаго интереса къ классической древности и, наконецъ, усвоеніемъ критическаго отношенія къ различнымъ источникамъ знанія. Если бы въ послѣдующемъ намъ удалось найти черты сходства въ воззрѣніяхъ, симпатіяхъ и литературныхъ пріемахъ нашего автора съ представителями гуманистическаго движенія, то при сопоставленіи сходныхъ чертъ пришлось бы принимать въ расчетъ лишь такія, которыя, дѣйствительно, характеризуются указанными выше признаками гуманистическаго характера. Дѣло въ томъ, что не только дѣятели перваго поколѣнія эпохи Возрожденія, какъ Петрарка и Боккачіо, но и гуманисты второго періода, какъ Салютати, въ своихъ религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ все еще люди наполовину стараго міра; міровоззрѣніе ихъ далеко еще не свободно отъ чертъ средневѣковаго уклада мысли. Совпаденіе съ ними во взглядахъ со стороны Максима Грека въ такихъ пунктахъ, конечно, ничего бы намъ не говорило въ пользу зависимости его воззрѣній отъ духа

эпохи Возрожденія, но оно оправдывало бы, такъ сказать, отсталость и консерватизмъ мысли нашего писателя.

При разсмотрѣніи сочиненій Максима Грека мы предварительно остановимся на тѣхъ мѣстахъ въ нихъ, гдѣ есть указанія на степень его научнаго и философскаго образованія. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что условія мѣста и времени, при которыхъ жилъ и дѣйствовалъ въ Россіи Максимъ Грекъ, существенно должны были отразиться какъ на матеріалѣ, привлекавшемся въ его сочиненіяхъ, такъ и на содержаніи послѣднихъ. Приходилось принимать въ расчетъ, съ одной стороны, нелюбовь и неподготовленность современной ему среды ко всякимъ новшествамъ, а съ другой—недоступность даже для верховъ все же полуобразованнаго русскаго общества тѣхъ познаній, какими обладалъ самъ авторъ. Этимъ, быть можетъ, объясняется то обстоятельство, что, напримѣръ, упоминанія о древнихъ писателяхъ въ сочиненіяхъ Максима Грека не идутъ дальше ничего почти неговорящихъ ссылокъ на нихъ. Такъ, у него мы встрѣчаемъ упоминаніе о Пиѳагорѣ [1]), Платонѣ [2]), Эпикурѣ [3]), Діагорѣ [4]), Сократѣ [5]), Аристотелѣ [6]), Гомерѣ [7]), Гезіодѣ [8]), Плутархѣ [9]), Менандрѣ [10]). Но по этимъ ссылкамъ совершенно невозможно судить о степени усвоенія Максимомъ Грекомъ сочиненій этихъ писателей: настолько общій характеръ имѣютъ онѣ. Ни опроверженія мнѣній философовъ и ученыхъ ни ихъ изложенія Максимъ Грекъ нигдѣ не даетъ. Онъ ограничивается или презрительнымъ упоминаніемъ о нихъ или, въ лучшемъ случаѣ, пользуется ихъ именемъ для подкрѣпленія своихъ христіанскихъ взглядовъ (въ родѣ отрицательнаго взгляда на астрономію), если взгляды философовъ, по мнѣнію Максима, совпадаютъ съ его собственными. Въ этомъ случаѣ для нашего писателя имѣло значеніе, разумѣется, не столько признаніе непогрѣшимости въ сужденіяхъ у того

---

[1]) Соч., т. I, стр. 299.
[2]) Т. I; 247, 354, 462—63; т. II, 229, 296; т. III, 205—207, 228.
[3]) Т. I, 417, 451.
[4]) Т. II, 229.
[5]) Т. I, 463.
[6]) Т. I, 247, 343, 359, 417, 461, 462—64; т. II, 229; т. III, 205, 228.
[7]) Т. II, 9, 14.
[8]) Т. II, 84.
[9]) Т. II, 135.
[10]) Т. II, 184.

или иного философа, сколько желаніе привести разительный примѣръ подтвержденія какого-нибудь христіанскаго догмата писаніями „нечестивыхъ“ Платона, Аристотеля, Плотина.

Взглядъ Максима Грека на философію и на науку двойственный. Философія для него, во всякомъ случаѣ, самодовлѣющаго значенія не имѣетъ: она, въ лучшемъ случаѣ, лишь средневѣковая „ancilla teologiae“, которую необходимо „вездѣ понужати и аки рабыню Евангелія и истины водити и непщевати е“ [1]). Философія, по его взгляду, священна, т. к. она „о Богѣ и правдѣ Его и во вся преходящемъ непостижимемъ его промыслѣ прилежнѣйше повѣствуетъ“ [2]). Если она и не во всемъ успѣваетъ, „зане божественнаго вдохновенія, якоже божественнии пророцы, не причастна, цѣломудріе же и мудрость и кротость хвалитъ, и всяко ино благоукрашеніе нрава законополагаетъ и гражданство составляетъ нарочито и, совокупльше рещи, всяку добродѣтель и благодать вводитъ во всемъ свѣтѣ“ [3]). Максимъ Грекъ отличаетъ „внутреннюю церковную и богодарственную философію отъ „внѣшняго діалектическаго вѣдѣнія“ [4]). Только за этой первой, главнымъ образомъ, признаетъ онъ право на самостоятельное существованіе: „...добро убо воистину достолюбно“—говоритъ онъ—„словесъ внѣшнихъ вѣдѣніе, но елико къ навыченію, еже правѣ глаголати и къ наощренію разума и очищенію, а не во обрѣтеніе божественныхъ догматъ и въ разсужденіе“ [5]).

Въ другомъ мѣстѣ, впрочемъ, онъ заявляетъ себя сторонникомъ „внѣшняго вѣдѣнія“, не дѣлая при этомъ никакихъ ограниченій: „...да не пщуете мене сего ради“—говоритъ онъ—„укоряти внѣшнее наказаніе, полезно сущее и мало не всѣми свидѣтельствуемо возсіявшими въ благочестін. Не тако азъ неблагодаренъ ученикъ его“ [6]). Говоря о Парижѣ, Максимъ Грекъ особенно хвалитъ этотъ городъ за доступность его школъ для населенія и за то, что на ряду съ богословіемъ, тамъ преподается философія и свѣтскія науки [7]). Въ заслугу

[1]) Т. I, 462.
[2]) Т. I, 356.
[3]) Т. I, 356—57.
[4]) Т. I, 247—248.
[5]) Т. I, 248.
[6]) Т. Ш, 176.
[7]) Т. Ш, 179.

Іерониму Савонаролѣ, на ряду съ его подвижничествомъ и начитанностью въ священномъ писаніи, нашъ писатель ставитъ знаніе „внѣшняго наказанія, сирѣчь философіи“ [1]).

Отъ переводчика, для полнаго пониманія переводимаго текста, Максимъ Грекъ требуетъ знанія грамматики, реторики, поэтики и даже философіи [2]). Для испытанія желающихъ заняться переводомъ или исправленіемъ книгъ онъ оставилъ 16 греческихъ стиховъ, написанныхъ гегзаметромъ и пентаметромъ. Только къ обнаружившимъ пониманіе этихъ образцовъ рекомендуетъ онъ относиться съ полнымъ довѣріемъ; кромѣ того, такимъ людямъ онъ совѣтуетъ оказывать особенное вниманіе и расположеніе [3]).

Но рядомъ съ примѣрами защиты внѣшняго вѣдѣнія мы часто наталкиваемся на враждебныя противъ него тирады Максима Грека. Слѣдуя апостолу Павлу, онъ въ одномъ мѣстѣ называетъ философію „тщетною прелестью, крадущею простыхъ разумы“ [4]), а въ другомъ съ особеннымъ назиданіемъ отмѣчаетъ, какъ Діонисій Ареопагитъ „вся предъ изученная ему словеса премудрая всѣхъ вкупѣ философовъ и риторовъ оплевавъ, единымъ и кроткимъ народогласіемъ божественнаго проповѣдника во слѣдъ его пойде“ [5]). Христіанамъ далѣе онъ совѣтуетъ читать исключительно божественныя писанія, а внѣшнихъ гнушаться [6]). Философія въ одномъ мѣстѣ приравнивается имъ кипарису, который, высоко произрастая, доставляетъ только суетное наслажденіе очамъ. „Сице убо и философскихъ словесъ“—говоритъ онъ—„суетное поученіе, не божественная бо глаголютъ ниже мудрствуютъ, но о иныхъ упражняются, ихъ же намъ нелѣпо есть и глаголати, наполняютъ бо воздухъ словесы, и ни едино же отъ нихъ Богу угодно, ниже святымъ похвально, ни человѣкомъ на пользу и спасеніе, но вся суетна и развращенна“ [7]). Дѣло доходитъ до того, что математика, смѣшиваемая Максимомъ съ астрологіей, подвергается строгому осужденію, такъ какъ занимающіеся ею „беззаконію научаются“ [8]).

[1]) Т. Ш, 195.
[2]) Т. Ш, 62.
[3]) Т. Ш, 286—87.
[4]) Т. I, 247.
[5]) Т. II, 229.
[6]) Т. Ш, 208.
[7]) Т. III, 264.
[8]) Т. I, 360—61.

Въ отношеніи къ греческимъ поэтамъ и философамъ у нашего писателя наблюдается какъ бы нѣкоторая двойственность съ явнымъ, впрочемъ, перевѣсомъ антипатіи надъ симпатіей къ нимъ. Въ иныхъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ, такъ сказать, чисто объективные, не идущіе по формѣ дальше эпитетовъ, уважительные отзывы о какомъ-нибудь знаменитомъ философѣ или поэтѣ древности. Такъ, Платонъ, относительно котораго Максимъ Грекъ сравнительно наименѣе былъ предубѣжденъ, называется у него въ одномъ мѣстѣ „внѣшнихъ философовъ верховнымъ" [1]), въ другомъ „внѣшнихъ философовъ первымъ" [2]). Но и эти скупыя ссылки, сопровождаемыя такими эпитетами, употребляются имъ, какъ сказано выше, съ чисто утилитарной цѣлью, для большей убѣдительности положеній, защищаемыхъ авторомъ-христіаниномъ и ничего, въ сущности, общаго не имѣющихъ съ воззрѣніями философовъ, на которыхъ онъ опирается. Максимъ Грекъ пользуется ихъ авторитетомъ по такимъ же соображеніямъ, по какимъ пользуемся и мы иногда мнѣніями своихъ противниковъ въ воззрѣніяхъ, когда послѣднія, какъ намъ кажется, совпадаютъ съ нашими. Въ одномъ, напримѣръ, изъ многочисленныхъ своихъ обличеній увлеченія астрологіей, стремясь унизить такое занятіе, Максимъ протестуетъ противъ причисленія къ астрологамъ Аристотеля и причисляетъ его, вообще одного изъ несимпатичнѣйшихъ ему философовъ, къ „доблестнымъ и дивнымъ мужамъ" [3]), почему и не считаетъ его способнымъ увлекаться вещами, подобными звѣздочетству. Если не считать двухъ случаевъ, когда Максимъ Грекъ по адресу Гомера и Гезіода употребляетъ слово „мудрый", то указанными тремя выдержками исчерпывается все, что говоритъ нашъ писатель въ пользу греческихъ философовъ; всѣ же прочія многочисленныя упоминанія о нихъ представляютъ собой рядъ укоровъ и обвиненій по ихъ адресу.

Жизнь Максима Грека въ Италіи совпала съ временемъ наиболѣе сильнаго увлеченія тамошняго общества греческой литературой и даже греческими религіозными представленіями. Какъ истинный христіанинъ, онъ вооружается противъ такого пагубнаго, по его представленіямъ, увлеченія. Главный аргументъ, которымъ Максимъ старается подорвать эллинскую религію,—это несовершенство нравственныхъ

[1]) Т. I, 354.
[2]) Т. II, 296.
[3]) Т. I, 359.

законовъ греческой религіи. Онъ съ воодушевленіемъ говоритъ о чистотѣ нравственнаго облика Христа и дѣйствіи его на души людей и въ параллель приводитъ антропоморфическія представленія грековъ о своихъ богахъ, лишенныя, съ точки зрѣнія христіанина, элементарной нравственной основы [1]). Его приводитъ въ негодованіе предсмертное желаніе феррарскаго философа Кобезмика почить въ елисейскихъ поляхъ рядомъ съ Сократомъ, Платономъ и героями [2]). Съ такимъ же чувствомъ относится онъ по тѣмъ же причинамъ къ неаполитанскому философу Сессѣ и поэту Анджелло Поліціано.

Мы коснулись взглядовъ Максима Грека на науку, философію, классическую древность. Мы видѣли, что, за немногими исключеніями, все это подвергается имъ суровому осужденію. Если иногда въ его сочиненіяхъ и прорывается сочувственное отношеніе къ тому, чѣмъ жила эпоха Возрожденія, то сейчасъ же вслѣдъ, большею частью, идутъ такія оговорки и ограниченія, которыя въ корнѣ расходятся съ такими сочувственными отзывами. Существованіе философіи, науки и литературы нашимъ писателемъ допускается лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно не расходится съ божественнымъ писаніемъ и разъ навсегда установленными догматами православной вѣры.

Если мы теперь обратимся къ эпохѣ Возрожденія, то и тутъ, особенно на первыхъ порахъ, замѣтимъ, какъ сказано уже было выше, достаточно еще сильную примѣсь стараго, средневѣковаго уклада мысли, лишь постепенно смѣняющагося новымъ міровоззрѣніемъ. Но и при всемъ томъ, разстояніе, отдѣляющее Максима Грека отъ дѣятелей эпохи Возрожденія, отъ ихъ симпатій и влеченій, слишкомъ велико. Главное значеніе гуманистическаго движенія въ области мысли какъ разъ въ томъ и состояло, что оно эмансипировало ее отъ подчиненія теологической указкѣ и „злоименный" дотолѣ разумъ (пользуемся терминологіей Максима Грека) сдѣлало главнымъ авторитетомъ при рѣшеніи разнообразныхъ философскихъ, научныхъ и моральныхъ вопросовъ. Петрарка, человѣкъ наполовину, какъ сказано выше, стараго міра, въ своихъ научныхъ поискахъ стоитъ уже на новой почвѣ. „Его прозаическія произведенія"—говоритъ изслѣдователь итальянскаго Ренессанса—„представляютъ собой трудную попытку создать новое міросозерцаніе, не отрываясь отъ христіанства, но отрицая сло-

[1]) Т. I, 62.
[2]) Т. I, 463.

жившуюся на этой почвѣ философію и науку. Они являются въ силу этого введеніемъ въ исторію новой культуры“ [1]). Любовь къ наукѣ у Петрарки настолько сильна, что въ одномъ письмѣ онъ выражаетъ желаніе продлить свою жизнь только затѣмъ, чтобы имѣть возможность заниматься наукой, а въ другомъ убѣждаетъ друзей посвятить ей свою жизнь. Цѣлью науки онъ считаетъ самопознаніе и теологію отрицаетъ, благодаря ея недоступности разуму; взамѣнъ ея онъ выдвигаетъ поэзію, этику и исторію, такъ какъ онѣ говорятъ о внутреннемъ мірѣ человѣка.

Гуманистъ второго поколѣнія Коллючіо Саллютати, стоящій по своему міросозерцанію гораздо ближе къ среднимъ вѣкамъ, чѣмъ Петрарка и Боккачіо, обнаруживаетъ на ряду съ ортодоксальной приверженностью къ католицизму и аскетическимъ взглядомъ на жизнь глубокій интересъ къ классическому міру съ его языческой философіей и поэзіей и зачатки гуманистическаго раціонализма [2]).

Мы коснулись взглядовъ на различныя стороны духовной жизни человѣка гуманистовъ первыхъ двухъ поколѣній. Гуманисты третьяго поколѣнія, наиболѣе полно отразившіе духъ эпохи Возрожденія въ Италіи, развили всѣ эти черты до крайней степени. Что касается Максима Грека, то, опять повторяемъ, онъ остался почти совершенно чуждъ вновь нарождавшемуся стремленію мысли. Если же мы теперь примемъ въ расчетъ происхожденіе Максима изъ той страны, гдѣ вплоть до 1453 г. науки, особенно философія, пользовались самымъ широкимъ распространеніемъ, гдѣ уже въ началѣ XII в. проявляются такія черты увлеченія классической древностью, какія мы наблюдаемъ въ Италіи не ранѣе XV в. (напримѣръ, у византійскаго историка Никиты Хоніата), а изученіе философовъ, особенно Аристотеля, покровительствовалось не только царствующими династіями, но и самой церковью [3]),—то намъ тѣмъ болѣе не будетъ никакой необходимости объяснять вліяніемъ эпохи Возрожденія тѣхъ сдержанныхъ и осторожныхъ до крайности взглядовъ, какіе высказываетъ Максимъ Грекъ въ отношеніи науки и философіи. Скорѣе наоборотъ: отъ человѣка въ его положеніи мы могли бы ждать въ этомъ дѣлѣ гораздо большей

---

[1]) *Корелинъ*. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Москва. 1892. В. 1., Стр. 214.

[2]) *Корелинъ*. Op. cit. Вып. II, стр. 789—90.

[3]) Ср. *Лебедевъ*. Очерки по исторіи византійско-восточной церкви. Стр. 529 и далѣе. *Успенскій*. Очерки византійской образованности.

смѣлости и прямолинейности, больше уваженія къ силѣ и авторитету разума.

Мы не вполнѣ коснулись еще того главнѣйшаго элемента, которымъ въ особенности характеризуется эпоха Возрожденія и который, собственно, и является источникомъ приведенныхъ нами воззрѣній гуманистовъ: мы имѣемъ въ виду индивидуализмъ. Главнѣйшимъ его выраженіемъ необходимо считать признаніе права на безграничное развитіе всѣхъ человѣческихъ способностей и взглядъ на личность, какъ на высокое и вполнѣ самодовлѣющее начало. Отсюда, во-первыхъ, интересъ человѣка къ своему внутреннему міру и, какъ слѣдствіе этого, широкое развитіе, главнымъ образомъ, моральной философіи, близкой къ земной нашей жизни, развитіе, шедшее въ ущербъ преобладанію метафизики; во-вторыхъ, разностороннее научное и умственное развитіе, въ противоположность средневѣковой спеціализаціи и цеховой замкнутости, и вытекающее отсюда критическое отношеніе къ окружающей дѣйствительности; наконецъ, строго практическій и раціоналистическій взглядъ на политику, какъ на средство для наиболѣе полнаго развитія человѣческой индивидуальности. Уже у перваго гуманиста, сквозь аскетическія его воззрѣнія въ религіозной области, въ полной мѣрѣ проявляются самыя широкія индивидуалистическія наклонности. Самый его аскетизмъ и проповѣдь монашеской жизни окрашены у него индивидуалистическими наклонностями. Въ монашеской жизни Петрарка ищетъ не аскетическихъ подвиговъ, а свободы отъ развлекающаго труда, возможности предаться созерцанію; его уединеніе—это не стремленіе отказаться отъ мірской жизни, а лишь бѣгство отъ ея безпокойствъ и неудобствъ. По словамъ Корелина, „интересъ къ себѣ и своему внутреннему міру обнаруживается съ полной ясностью у Петрарки. Его „Canzoniere“—лѣтопись сердца автора, „Secretum“—его внутренняя исторія; письма къ потомству—фактическая автобіографія, и остальную переписку онъ собираетъ для того, чтобы сообщить читателю „теченіе своей жизни“ и т. д. [1]). Критицизмъ Петрарки распространяется, между прочимъ, и на классическихъ авторовъ, когда онъ выбираетъ только тѣхъ изъ нихъ, которые ближе всего подходятъ къ его міросозерцанію и личнымъ склонностямъ. Столь же широко развита у него разносторонность знаній и привычка къ разнообразію въ занятіяхъ. У позднѣйшихъ гумани-

---

[1]) Корелинъ. Op. cit. Вып. II, стр. 1061—62.

стовъ всѣ эти качества выступаютъ еще рельефнѣе и полное свое выраженіе находятъ у Бруни—педагога, Валлы—свободомыслящаго религіознаго критика и Макіавелли—политика.

Отразились ли въ литературной дѣятельности Максима Грека всѣ эти черты гуманистическаго индивидуализма? Для отвѣта на этотъ вопросъ остановимся предварительно на разсмотрѣніи его нравственно-обличительныхъ сочиненій.

Тѣ вопіющіе непорядки русской дѣйствительности, которые проявлялись какъ въ государственной и церковной, такъ и въ частной жизни нашего общества, глубоко поразили впечатлительную натуру Максима Грека при его появленіи въ Россіи. Показное благочестіе, суевѣріе во всѣхъ слояхъ общества, неправосудіе властей, испорченность духовенства, бѣдность и беззащитность простого люда—все это нашло въ его лицѣ своего суроваго обличителя. Русь представляется ему въ видѣ неутѣшно плачущей вдовы, сидящей на распутьи и окруженной львами, медвѣдями, волками и лисицами. Она жалуется на свою полную беззащитность, на отсутствіе рачителей, которые заботились бы о ней, на сребролюбцевъ и лихоимцевъ, во власти которыхъ она находится [1]). Особенно часто касается Максимъ Грекъ случаевъ утѣсненія сильными и богатыми слабыхъ и угнетенныхъ. Въ такихъ случаяхъ рѣчь его, часто сухая и многословная, по своей трудности не всегда доступная пониманію, становится свободной и захватывающей своей искренностью даже современнаго читателя. Тутъ онъ поднимается до паѳоса, и по адресу угнетателей у него вырываются негодующія угрозы и осужденія: „Страсти ради нищихъ и воздыханія убогихъ отмстити ихъ возстану“ [2])—приводитъ онъ слова писанія. И далѣе: „Не прошу у тебе златаго вѣнца, мое бо украшеніе златъ кованенъ вѣнецъ есть, еже нищихъ, сиротъ же и вдовицъ посѣщеніе довольное пропитаніе, якоже паки скудость потребныхъ имъ досада мнѣ отъ васъ и конечное безчестіе, аще и безчисленными гласы доброгласныхъ пѣній непрестанно гремите въ храмѣхъ моихъ: не жертвы бо, но милости хощу азъ“ [3]) и т. д.

Не менѣе часты нападки Максима Грека на исключительно наружное, показное благочестіе. Основная мысль такихъ обличеній та,

[2]) Т. П. 320.
[2]) Т. П, 267.
[3]) Т. П. 264.

что одно лишь формальное исповѣданіе вѣры и исполненіе обрядовъ ничего не значатъ безъ соблюденія заповѣди любви и безъ стремленія къ нравственному самоусовершенствованію. Въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ по своему паѳосу и обличительному жару словъ Максимъ отъ лица Бога высказываетъ мысль, что шумъ колоколовъ, драгоцѣнное украшеніе иконъ и благоуханіе Ему, въ сущности, безразличны, а прочія приношенія пріятны лишь тогда, когда приносятся „отъ законныхъ списканій и праведныхъ трудовъ“; если же они добыты путемъ лихоимства, хищенія чужихъ имуществъ или же причинили слезы вдовамъ, сиротамъ и убогимъ, то этимъ самымъ они только обращаются въ осужденіе жертвователя [1]). Ни воздержаніе отъ мяса, ни усердные поклоны и стоянія, ни даже иноческая жизнь неугодны Богу, если они не соединены съ внутреннимъ благочестіемъ: „...Дѣланія бо ради заповѣдей узаконена быша вся молитвы, пощенія, бдѣнія, уединенія, о нихъ же не хвалися, дондеже небрежешъ дѣланіе заповѣдей“ [2]). Мало того, Максимъ Грекъ не видитъ ничего преступнаго и въ мясоядѣніи: („...а въ мясоядѣніи ничтоже таково случается: всяко созданіе Божіе добро и ни едино отметно, со благодареніемъ пріемлемо“) [3]), а благочестивая жизнь въ міру для него почти равноцѣнна съ иноческимъ уединеніемъ [4]).

Нравственные пороки духовенства, въ томъ числѣ стяжательность, вызывали особенное негодованіе у Максима Грека. Онъ жалуется, что нѣтъ никого, кто училъ бы свою паству, наказывалъ обидчиковъ и защищалъ гонимыхъ. Наши пастыри, по его словамъ, сдѣлались безчувственнѣе камней [5]); иноки оставляютъ свои имѣнія съ тѣмъ, чтобы, будучи въ монастырѣ, обзаводиться ими снова [6]). Въ „Стязаніи объ извѣстномъ иноческомъ жительствѣ“ [7]) и „Повѣсти страшной и достопамятной о совершенномъ иноческомъ жительствѣ“ [8]) мы находимъ наиболѣе суровыя обличенія современной Максиму Греку иноческой жизни. Та страсть къ стяжанію и обогащенію имѣ-

[1]) Т. П, 261—62.
[2]) Т. П, 43.
[3]) Т. П, 218.
[4]) Т. П, 238.
[5]) Т. I, 140.
[6]) Т. П, 35.
[7]) Т. П, 89—118.
[8]) Т. Ш, 178—205.

ніями, которая до этого такъ осуждалась заволжскими старцами во главѣ съНиломъ Сорскимъ и Вассіаномъ Патрикѣевымъ, въ Максимѣ Грекѣ находитъ еще болѣе яраго обличителя. Распущенной жизни нашего монашества противопоставляется имъ жизнь „неправомудренныхъ“ латинянъ, монаховъ одного католическаго монастыря съ Савонаролой во главѣ.

Распространенность въ русскомъ обществѣ всевозможныхъ суевѣрій, апокрифической литературы и увлеченіе астрологіей вынуждали Максима Грека на борьбу со всѣми этими явленіями. Онъ прежде всего возражаетъ относительно взгляда на зависимость человѣческихъ поступковъ отъ теченія звѣздъ. Главной аргументаціей, при помощи которой Максимъ стремится подорвать это убѣжденіе, является указаніе на подчиненіе наше исключительно промыслу Божію и на фактъ свободы нашей воли. Если допустить вліяніе звѣздъ, доброе или злое, на нашу жизнь, то, по мысли нашего писателя, мы не только умаляемъ значеніе въ этомъ дѣлѣ Промысла, но и считаемъ какъ бы виновнымъ Бога въ надѣленіи нѣкоторыхъ звѣздъ такими свойствами, которыя дѣлаютъ людей злыми, порочными и лукавыми[1]). Съ другой стороны, „мы самовластны отъ Содѣтеля бывше и господіе нашимъ есми дѣяніямъ“[2]), говоритъ Максимъ Грекъ, и, слѣдовательно, сами отвѣтственны за свои поступки, что, очевидно, противорѣчитъ представленію о власти надъ нами звѣздъ. Но отрицая эту власть, Максимъ, тѣмъ не менѣе, виновникомъ нашихъ злыхъ дѣлъ считаетъ діавола[3]), сатану, не замѣчая, очевидно тутъ противорѣчія съ признаніемъ имъ же самимъ „самовластія“ человѣка. Впрочемъ, всѣмъ этимъ Максимъ не отрицаетъ умѣстности изученія астрономіи для чисто практическихъ цѣлей[4]).

Какъ можно заключить изъ всего сказаннаго выше, въ религіозномъ міросозерцаніи Максима Грека огромное мѣсто отводится вопросамъ моральнаго свойства. Обрядовая сторона, форма—ничто для него въ сравненіи съ нравственной стороной религіи. Нельзя однако сказать того же про догматическую ея сторону. Этой послѣдней Максимомъ Грекомъ удѣлено не меньше мѣста, чѣмъ сторонѣ

[1]) Т. I, 388—9.
[2]) Т. I, 431.
[3]) Т. I, 441.
[4]) Т. I, 459.

нравственной. Въ довольно многочисленныхъ полемическихъ статьяхъ, направленныхъ противъ латинянъ, іудеевъ, магометанъ и армянъ, Максимъ опровергаетъ тѣ или иныя стороны ихъ ученія, при чемъ нерѣдко впадаетъ въ нетерпимость, не вяжующуюся совершенно съ нашимъ представленіемъ объ аѳонскомъ святогорцѣ. Попадаются подчасъ мѣста, напоминающія собой пріемы древнерусской полемики. Такъ, напримѣръ, выставляя противъ латинянъ разнообразныя обвиненія, Максимъ Грекъ въ одномъ словѣ на первый планъ ставитъ употребленіе ими опрѣсноковъ и считаетъ это тягчайшимъ проступкомъ[1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ для предупрежденія развитія ереси рекомендуетъ казнить одного еретика.

Послѣ всего только что сказаннаго обратимся къ вопросу, отразились ли у Максима Грека тѣ черты индивидуализма, которыя, какъ сказано выше, опредѣляли собой весь характеръ эпохи Возрожденія. Намъ кажется, что разсмотрѣнныя сочиненія его даютъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Безспорно, независимость характера, высокій нравственный обликъ и незаурядный уровень образованія, какимъ обладалъ нашъ писатель, создали изъ него богатую по его времени индивидуальность; но отъ индивидуализма въ гуманистической его окраскѣ онъ былъ далекъ. Въ этомъ мы могли убѣдиться, разсматривая его взгляды на науку, философію, касаясь его отношенія къ человѣческому разуму. Онъ во имя неподвижности догмата проповѣдуетъ умственную неподвижность, когда, напримѣръ, предупреждаетъ, что „предѣлы подвизати небезбѣдно есть“[2]). Въ такихъ случаяхъ Максимъ Грекъ стоитъ на старой почвѣ, и сходство въ его сужденіяхъ съ Іоанномъ Дамаскинымъ въ этомъ пунктѣ давно уже отмѣчено изслѣдователями. Того довѣрія къ силѣ разума, какое мы наблюдаемъ у самыхъ раннихъ гуманистовъ, у нашего писателя нѣтъ и въ поминѣ: онъ готовъ принизить и обуздать его на каждомъ шагу, когда тотъ позволяетъ себѣ выйти изъ предѣловъ, поставленныхъ ему рамками догмата.

Во взглядѣ на природу человѣка Максимъ Грекъ точно также не сходится съ гуманистами. Правда, вопросы моральнаго характера, занимающіе такое видное мѣсто въ міросозерцаніи гуманистовъ, сильно

[1]) Т. I, 466—67.
[2]) Т. I, 249.

волнуютъ и Максима Грека; но характеръ морали нашего писателя отличаетъ его и въ этомъ случаѣ отъ дѣятелей Возрожденія. Въ то время какъ для этихъ послѣднихъ вопросы морали были вопросами личнаго самоусовершенствованія и самопознанія, развитія въ себѣ всѣхъ природныхъ задатковъ, для Максима Грека они носили характеръ чисто альтруистическій, основанный на евангельской почвѣ любви къ ближнему. Соціальная окраска его проповѣди, когда рѣчь идетъ о любви къ угнетеннымъ классамъ, его истинный демократизмъ и народолюбіе составляли полную противоположность эгоистической, по преимуществу, и аристократической морали гуманистовъ. То же можно сказать и относительно его обличительнаго пыла. Непорядки церковной и общественной жизни, большей частью, не задѣвали религіознаго чувства итальянскихъ гуманистовъ. Если въ такихъ случаяхъ мы слышимъ иногда протестующіе голоса, то въ нихъ необходимо видѣть скорѣе чувство брезгливости развитого личнаго сознанія, а не глубокое возмущеніе, какъ это мы наблюдали у Максима Грека. Въ этомъ отношеніи гораздо естественнѣе предположить вліяніе на нашего писателя не гуманистовъ, а Саванаролы, котораго нашъ писатель считалъ верхомъ всѣхъ совершенствъ [1]). Много сходнаго въ этомъ отношеніи взгляды и сужденія Максима Грека находятъ себѣ и у византійскихъ писателей, напримѣръ, у Евстафія Өессалоникскаго, обличенія котораго какъ бы дополняютъ по своему характеру обличенія нашего автора [2]).

На природу человѣка нашъ писатель смотритъ съ аскетической точки зрѣнія: она по своей сущности грѣховна и постоянно требуетъ борьбы со свойственными ей страстями и пороками. Если въ обличеніи астрологическихъ увлеченій Максимъ Грекъ настаиваетъ на присущей намъ свободѣ воли, то въ данномъ случаѣ онъ вѣдь не идетъ дальше коренного христіанскаго представленія. Было бы совершенно непонятно, если-бы такой строгій и послѣдовательный догматикъ, какимъ былъ нашъ авторъ, просмотрѣлъ здѣсь единственно возможный и сильный аргументъ. Но далеко нельзя сказать и того, чтобы сознаніе свободы воли прочно укоренилось въ міросозерцаніи Максима Грека. Какъ указано уже было выше, нашимъ писателемъ высказывается взглядъ, что причиной всѣхъ нашихъ заблужденій, въ томъ числѣ приверженности къ астрологіи, является злой бѣсъ, сатана.

[1]) Ср. „Повѣсть страшна и достопамятна"... т. III, 194—195.

[2]) Ср. Лебедевъ. Op. cit., стр. 604 и далѣе.

Опроверженія по поводу астрологическихъ увлеченій писались и гуманистами, особенно ранними, но аргументація у нихъ не столько богословская, сколько, главнымъ образомъ, раціоналистическая, какъ это наблюдаемъ уже у перваго гуманиста. Распространенность астрологическаго ученія онъ объясняетъ не навожденіемъ злого духа, а лишь обманомъ и глупостью. Подобно Цицерону, Петрарка полагаетъ, что заниматься астрологіей недостойно разумнаго человѣка, а тѣмъ болѣе философа. „Петрарка обращается только къ здравому человѣческому смыслу, который выводитъ уроки жизни изъ повседневнаго опыта" [1]). Этой-то примѣси раціонализма мы и не замѣчаемъ въ обличеніяхъ Максима Грека.

Остается одна область въ литературной дѣятельности нашего писателя, которая, будучи чисто технической, вспомогательной, могла быть въ извѣстной степени обязана своимъ возникновеніемъ вліянію эпохи Возрожденія. Мы разумѣемъ усвоеніе Максимомъ Грекомъ основныхъ принциповъ критики текста, сводящимся у него къ слѣдующимъ положеніямъ. *Всякое писаніе* можетъ быть признано истиннымъ и заслуживающимъ довѣрія только тогда, когда оно, во-первыхъ, составлено популярнымъ и извѣстнымъ церкви авторомъ; во-вторыхъ, согласуется во всемъ съ апостольскими догматами и преданіями и, въ-третьихъ, не заключаетъ въ себѣ самомъ никакихъ противорѣчій [2]). Исходя изъ этихъ принциповъ, Максимъ Грекъ подвергаетъ уничтожающей критикѣ различныя апокрифическія сказанія. Для возстановленія текста онъ пользуется аргументами лексическаго и грамматическаго характера; то же онъ дѣлаетъ и въ толкованіи отдѣльныхъ мѣстъ священнаго писанія [3]).

Какъ нетрудно видѣть, критическіе пріемы Максима Грека слишкомъ ужъ элементарны, чтобы представлялась необходимость

[1]) Фойгтъ. Возрожденіе классической древности. Переводъ Расадина. М. 1884, стр. 70.

[2]) Т. III, 126; т. I, 533.

[3]) Приведемъ одинъ примѣръ грамматическаго толкованія. Въ одномъ мѣстѣ Максимъ Грекъ говоритъ, что необходимо читать: „воплощшася отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы", а не „и зъ Маріи", такъ какъ имя Богоматери Марія, а не Змарія. Нѣтъ нужды—говоритъ онъ—ставить здѣсь букву *з*, такъ какъ тутъ *и* является соединительнымъ союзомъ, а не предлогомъ; соединительнымъ же союзомъ онъ называется потому, что связываетъ рѣчь съ рѣчью, какъ напримѣръ: „Петръ и Іоаннъ". Точно такъ же и здѣсь: „Воплотившійся отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы", а не „и зъ Маріи" и т. д. Т. III, 56—57.

объяснять ихъ вліяніемъ духа Ренессанса. Несомнѣнно, что при той напряженности религіозно-философскихъ споровъ, какими характеризовалась Византія вплоть до половины XV в., пріемы филологической критики должны были развиться въ ней задолго до появленія ихъ на почвѣ Италіи. Самъ Максимъ Грекъ, кстати сказать, считаетъ себя въ этомъ дѣлѣ ученикомъ не итальянцевъ, а грековъ[1]). Но если бы даже предположить, что примѣнявшіеся Максимомъ Грекомъ критическіе пріемы являются непосредственнымъ продуктомъ развитія филологической критики на почвѣ Италіи, а не усвоены имъ путемъ внимательнаго и продолжительнаго изученія богословской литературы на Аѳонѣ, то и въ этомъ случаѣ вліяніе Ренессанса на нашего писателя пришлось бы считать сравнительно ничтожнымъ. Нельзя вѣдь утверждать, чтобы навыкъ въ филологической критикѣ, взятой самой по себѣ, безъ приложенія ея къ изученію древнихъ писателей, могъ служить показателемъ вліянія духа эпохи Возрожденія. Филологическая критика потому только такъ и развилась у гуманистовъ, что была необходима для основательнаго изученія древнихъ классиковъ. Специфически гуманистическаго, какъ таковая, она ничего въ себѣ не заключала и была связана съ гуманизмомъ лишь внѣшнимъ образомъ.

Если мы теперь примемъ въ расчетъ все сказанное выше, то, очевидно, на вопросъ объ отраженіи въ сочиненіяхъ Максима Грека идей эпохи Возрожденія, придется дать окончательно отрицательный отвѣтъ. Правда, нѣкоторые взгляды нашего писателя совпадаютъ съ воззрѣніями Петрарки хотя-бы и Салютати. Такъ, напримѣръ, противопоставленіе греческихъ вѣрованій чистотѣ христіанскихъ представленій очень напоминаетъ мысленное увѣщаніе Петрарки, обращенное къ Платону, Аристотелю и Пиѳагору, преклониться передъ высотой ученія Христа[2]), а взгляды на свободу воли человѣка и признаніе несовмѣстимости вѣры въ судьбу съ убѣжденіемъ въ Божьей справедливости роднитъ его съ Салютати[3]). Кромѣ того, съ обоими онъ сходенъ по своему аскетическому настроенію и религіозному благочестію. Но такое совпаденіе, помимо того, что оно, нужно думать, совершенно случайно, для насъ никакой цѣны не имѣетъ. То, что было у обоихъ этихъ и другихъ писателей доподлинно гуманистическаго, то не нашло себѣ въ душѣ Максима Грека сочувственнаго отклика. При всей начитанности, Максиму Греку не хватало все же той широты горизонта, той разносторонности мысли, которыя такъ присущи были гуманистамъ. Его былой интересъ къ новымъ идеямъ, о которомъ онъ самъ говоритъ вскользь въ одномъ мѣстѣ[1]), въ теченіе слишкомъ десятилѣтняго пребыванія на Аѳонѣ, очевидно, совершенно исчезъ, и къ намъ на Русь онъ прибылъ умудренный основательнымъ знакомствомъ съ отцами церкви, но чуждый вліянію идей Ренессанса.

Н. К. Гудзій.

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1834 г., ч. III, стр. 247.
[2]) Корелинъ. Op. cit. Вып. I, стр. 190.
[3]) Ibid. Вып. II, стр. 787—88.

[1]) Т. I, 463.